

СМЕХ И КОМИЧЕСКОЕ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЭСТЕТИКИ ПИСАТЕЛЯ

Статья посвящена актуальной проблеме эстетики комического Ф.М. Достоевского. На основе анализа места комического в творчестве Достоевского и способов его функционирования сделаны выводы о взаимодействии комического с другими категориями эстетики писателя; показана необходимость разграничения смеха и комического, особое внимание уделено своеобразию смеха писателя.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский; эстетика; комическое; смех.

Одним из первых на юмор как на главную особенность таланта молодого Ф.М. Достоевского указал В.Г. Белинский в своем известном анализе «Бедных людей»: «С первого взгляда видно, что талант г. Достоевского не сатирический, не описательный, но в высокой степени творческий и что преобладающий характер его таланта – юмор <...> Глубоко человеческий и патетический элемент, в слиянии с юмористическим, составляют особенную черту в характере его таланта» [1. С. 548]. Высказав мысль о преобладании юмора в первом произведении писателя, великий критик подчеркнул глубокое слияние в нем юмористического и «патетического»; при этом, по мысли Белинского, комическое у Достоевского подчеркивает патетическое, но отнюдь не исключает его.

Однако уже о «Двойнике» В.Г. Белинский скажет, что трагическое и патетическое спрятались за юмор, как за маску. «...только нравственно слепые и глухие не могут не видеть и не слышать в “Двойнике” глубоко патетического, глубоко трагического колорита и тона; но, во-первых, этот колорит и тон в “Двойнике” спрятались, так сказать, за юмор, замаскировались им, как в “Записках сумасшедшего” Гоголя...» [1. С. 548]. По мысли великого критика, трагический тон повествования и конфликт выходят на первый план и лишь прикрываются внешним юмором, что придает сюжету особый драматизм, остроту.

Первым исследованием XX в. о комическом в творчестве Достоевского стала специальная статья И.И. Лапшина «Комическое в произведениях Достоевского» [2]. В статье поставлен вопрос о двойственности мировосприятия писателя, которая обусловила, с точки зрения исследователя, и двойственность комического Достоевского: его смех автор статьи называет «адским хохотом». Д.О. Заславский в своей статье «Заметки о юморе и сатире в произведениях Достоевского» также обратился к теме комического у писателя [3]. Исследователь привлекает достаточно обширный материал, от «Бедных людей» до «Братьев Карамазовых» и «Дневника писателя», и выделяет две основные формы существования комического в творчестве писателя, юмор и сатиру, подчеркивая при этом тот важный факт, что юмор и комическое не всегда у Достоевского совпадают.

В 60-е гг. XX в. к проблеме комического Достоевского обращаются М.М. Бахтин и Н.М. Чирков [4, 5]. Бахтин в своей известной книге «Проблемы поэтики Достоевского» особое место отводит карнавальной традиции и выявляет карнавальную линию во многих произведениях Достоевского, уделяя большое место смеху, который является неотъемлемой частью карнавального мироощущения и миромоделирования. В ис-

следовании Чиркова «О стиле Достоевского» [5] говорится о взаимопроникновении комического и трагического. Исследователь на обширном материале показывает суть и место элементов комического в творчестве писателя.

Вновь к проблеме комического наука о писателе обращается в 1980-е гг. В статье Р.Г. Назирова «Юмор Достоевского» понятие комического осмыслено по-новому: постулируется мысль о доминировании юмора в творчестве Достоевского, который никогда не исчезает со страниц произведений писателя, но лишь модифицируется в различные формы [6]. Т.М. Родина в своей книге «Достоевский: Повествование и драма» [12] обращает внимание на неразрывную связь Достоевского с народным театром, народно-смеховой культурой. Не менее значимыми следует считать работы Н.В. Кашиной «Эстетика Ф.М. Достоевского» [13] и «Человек в творчестве Ф.М. Достоевского», в которых содержатся ценные наблюдения над разворачиванием комической проблематики в творчестве писателя, основанные на гегелевской теории комического.

В 2006 г. вышла в свет монография А.Е. Кунильско-го ««Лик земной и вечная истина». О восприятии мира и изображении героя в произведениях Ф.М. Достоевского» [7]. Это исследование является одной из первых монографических работ, специально посвященных проблематике комического в творчестве Достоевского. Кунильский развернуто анализирует осмысление смеха и комического в эстетике XIX в., и введение данного контекста представляется крайне значимым для понимания эстетики комического Достоевского.

Таким образом, проблема комического для современной науки о Достоевском крайне актуальна, поскольку она позволяет ставить и решать ключевые вопросы эстетики, поэтики и, в конечном счете, мировосприятия и миромоделирования писателя [17, 18]. Но именно поэтому на сегодняшнем этапе развития науки о Достоевском требуется сосредоточиться на более точном и более специальном различении отдельных эстетических категорий, отвечающих за выполнение комических функций в творчестве писателя. Этому и посвящено данное исследование, целью которого является выявление и различение таких категорий эстетики и поэтики писателя, как комическое и смех.

Вопрос о соотношении комического и смешного, об их взаимодействии, о первичности и обобщающем характере каждой из этих категорий до сих пор в литературоведении остается открытым. В свою очередь, в достоевистике этот вопрос специально не ставился; также до сих пор не выработано единого подхода к изучению каждой из указанных категорий. Так, напри-

мер, Р.Г. Назиров свои размышления о комическом у Достоевского обозначает общим понятием «Юмор Достоевского» [6]; А.Е. Кунильский вводит еще более общее именование, говоря о «Смехе в мире Достоевского», и т.д.

Термин «комическое» в широком смысле понимается как нечто, вызывающее смех. Комическое в указанном широком смысле включает в себя юмор, сатиру, иронию как разные грани комического, а также пародию, гротеск, сарказм, фарс, каламбур как приемы создания комического. Комическое отличается от общих представлений о смехе как эстетическое явление, обладающее упорядоченной организацией, предполагающее использование специальных приемов и средств для достижения смехового эффекта.

История развития представлений о комическом знает немало исследований, основанных на различении данных понятий. На разделении комического и смеха настаивал еще Гегель, вслед за ним, в русской эстетической мысли, – Белинский и Чернышевский. Это же различие мы находим в теоретических работах таких современных исследователей, как А. Зись и Ю.Б. Боров [8, 9].

Достоевский также разделял «смешное» и «комическое», но при этом не говорил о доминировании или обобщающем характере одной из указанных категорий. Для писателя это были сущностно разные понятия, обладающие разным набором функций и свойств. Смех – это понятие физиологическое, психологическое, социальное; это качество, врожденно свойственное человеку. В свою очередь, комическое есть категория эстетическая, продукт развивающейся культуры.

Смех Достоевского – явление сложное, очень трудно определить его границы, потому что смех в творчестве писателя зачастую рождается на скрещении разноплановых, часто противоборствующих явлений; нередко смех героев Достоевского не несет в себе ничего комического, не производит юмористического эффекта. Смех звучит со страниц едва ли ни каждого произведения Достоевского, хотя, безусловно, не в каждом тексте это явление открыто. По данным «Статистического словаря языка Достоевского», лексемы с семантикой смехового встречаются около двух тысяч раз, из них наиболее распространенным является глагол «смеяться», что подчеркивает важность самого процесса осмеяния для Достоевского, его динамичность [10]. Смех в произведениях Достоевского имеет большую амплитуду выражения: от жестокой насмешки до смеха добра и сочувствия [11].

Смех в произведениях Достоевского нередко играет важнейшую характерологическую роль. Уже в «Записках из Мертвого дома» Достоевский скажет: «Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что по смеху можно узнать человека, и если вам с первой встречи приятен смех кого-нибудь из совершенно незнакомых людей, то смело говорите, что этот человек хороший» [12. Т. 4. С. 34]. В произведениях «сибирского периода» «смеховая» характеристика героев наиболее эксплицирована. В последующих произведениях писатель не откажется от этого приема раскрытия личности, однако будет использовать его реже. В произведении же «Село Степанчиково и его обитатели» он является обязательным для характеристики каждого героя. Здесь представле-

ние почти всех персонажей сопровождается характеристикой их смеха, констатацией умения или неумения смеяться. Так, при знакомстве читателя с генералом Крахоткиным рассказчик отмечает, что тот «смеялся над всем и над всеми» [12. Т. 3. С. 15], Егор Ильич представляется как человек со «звонким и с откровенным, раскатистым смехом» [Там же. С. 6], в характеристике личности Мизинчикова особо подчеркнуто отсутствие смеха при людях, в обществе: «...не смеялся, когда все смеялись» [Там же. С. 39], но отмечено, что он мог смеяться в одиночестве, наедине с самим собой. Приведенные примеры – лишь малая часть таких характеристик, практически ни один герой не остается без замечаний о качестве его смеха.

В романе «Подросток» писатель разовьет эту мысль до «тирады о смехе», вновь заключив, что если «хорошо смеется человек – значит хороший человек» [12. Т. 13. С. 285]. Характерологическая функция смеха подчеркивается и следующим наблюдением из уже упомянутого фрагмента: «Смехом иной человек себя совсем выдает, и вы вдруг узнаете всю его подноготную. <...> Я не про умственное его развитие говорю, а про характер, про целое человека. Итак: если захотите рассмотреть человека и узнать его душу, то вникайте не в то, как он молчит, или как он говорит, или как он плачет, или даже волнуется благороднейшими идеями, а высмотрите лучше его, когда он смеется» [12. Т. 13. С. 285]. Эту «тираду о смехе» повествователь считает одним из главных своих выводов о жизни, и неслучайно, с его точки зрения, смех как будто обнажает человека, снимает все наносное и фальшивое, оставляя лишь истинное.

В ценностном аспекте смех как реакция на что-либо у Достоевского часто связан с презрением, неодобрением, недоверием.

Опасение быть осмеянным нередко посещает самого писателя. Довольно часто он выражает эту боязнь быть осмеянным в «Дневнике писателя»: «Пусть не очень-то смеются над моим парадоксом...» [12. Т. 21. С. 215]; «О, конечно, вы можете смеяться над всеми предыдущими «мечтаниями» о предназначении русском...» [Там же. Т. 23. С. 45]; «О, не смейтесь...» [Там же. Т. 25. С. 29]; «О, пускай смеются над этими фантастическими словами...» [Там же. Т. 25. С. 109]; «И пусть не смеются надо мной, что я верю...» [Там же. С. 140]; «Вместо того, чтоб смеяться надо мною, выслушайте меня лучше...» [Там же. С. 195].

Это же опасение быть осмеянным передается и некоторым героям Достоевского, но основания для опасений быть осмеянным разнятся.

Смех нивелирует величие идеи, коварство, могущество, зло, поэтому он страшнее для многих, чем ненависть, осуждение или презрение со стороны окружающих. Люди не обнаруживают страха, не подчиняются злу, а лишь смеются, чем обезоруживают злодея. Даже в одиночестве всеобщего презрения есть осознание собственной исключительности; во всеобщем же осмеянии есть нечто унижающее, приравнивающее ко всем остальным. В этом смысле смех обладает у Достоевского уравнивающей силой. Так, Тихон в «Бесах» в разговоре с Николом Ставрогиным высказывает опасение, что Ставрогин не сможет вынести не всеобщего

осуждения, не всеобщей ненависти, но всеобщего осмеяния. «Смех же будет всеобщим», – предупреждает старец Тихон [12. Т. 11. С. 26]. Ганя Иволгин открывает князю Мышкину свой основной страх, связанный с женитьбой на Настасье Филипповне: «Я смешным быть не хочу, прежде всего не хочу быть смешным» [Там же. Т. 8. С. 103]. Раскольников также боится, что его убийство многим может показаться лишь смешным. Эти страхи проявились в его снах: ему снится смеющаяся над ним старуха-процентщица, и ее смех перерастает во всеобщий смех над ним. Уничтожающий характер смеха подчеркивают и некоторые размышления из «Дневника писателя»: «Раздастся хохот в глаза этому благородному порыву, и люди благородного порыва опять сконфузятся, присмирят, а очень многие так даже и поверят: “да, дескать, это надо было предвидеть”, о, подумают бедненькие» [Там же. Т. 23. С. 454].

Помимо названных аспектов, смех реализуется в творчестве Достоевского и в своей первичной функции – выражать радость, положительные эмоции. Но, по мысли писателя, веселость – довольно редкое качество и доступно не всем людям. В том же отрывке из «Подростка» отмечено, что «искренний и беззлобный смех – это веселость, а где в людях в наш век веселость, умеют ли люди веселиться? <...> Веселость человека – это самая выдающаяся человека черта, с ногами и руками. Иной характер долго не раскусите, а рассмеется человек как-нибудь искренно, и весь характер его вдруг окажется как на ладони. Только с самым высшим и с самым счастливым развитием человек умеет веселиться сообщительно, то есть неотразимо и добродушно» [12. Т. 13. С. 285]. Несмотря на то что говорить о преобладании в характерах героев Достоевского такой искренней веселости нельзя, мы все-таки можем привести достаточное количество таких примеров.

В «Записках из Мертвого дома» в описании каторжного театра рассказчик обращает особое внимание на зрителей: «Но всего занимательнее для меня были зрители; тут уж все были нараспашку. Они отдавались своему удовольствию беззаветно. Крики одобрения раздавались все чаще и чаще. <...> К концу пьесы общее веселое настроение дошло до высшей степени. Я ничего не преувеличиваю. Представьте острог, кандалы, неволю, долгие грустные годы впереди, жизнь, однообразную, как водяная капля в хмурый, осенний день, и вдруг всем этим пригнетенным и заключенным позволили на часок развернуться, повеселиться, забыть тяжелый сон, устроить целый театр, да еще как устроить: на гордость и на удивление всему городу, – знай, дескать, наших, каковы арестанты!» [Там же. Т. 4. С. 124]. Данный фрагмент наглядно демонстрирует реализацию тех положений, которые позднее будут высказаны в «тираде о смехе» в романе «Подросток»: настоящей веселости присущи сообщительность, искренность, беззлобие; кроме того, наличие этих черт позволяет даже в самом жестоком, злом человеке обозначить положительные черты и, в конечном счете, наметить путь к нравственному возрождению личности. Достоевский прямо говорит об этом: «Только немногие позволили этим бедным людям пожить по-своему, повеселиться по-людски, пожить хоть час не по-острожному – и человек нравственно меняется, хотя

бы то было на несколько только минут...» [12. Т. 4. С. 129–130]. Веселость становится одной из главных координат, определяющей нравственное и духовное развитие личности, или намечает способность к этому росту, позволяет даже в преступнике, не чувствующем раскаяния, не испытывающем мук совести, увидеть зарождающееся зерно нравственности и чистоты.

Другие примеры: уже при первой характеристике Егора Ильича Ростанева рассказчик отмечает в нем неподдельную веселость; такую же черту радости жизни, искренней веселости замечает Аркадий в Макаре Долгоруком.

Совершенно иначе представляется Достоевскому комическое и его задачи. Подчеркнем еще раз, что для него это категория эстетическая, возникающая в результате развития культуры и цивилизации. Конечно, при этом между смехом и комизмом нет непроходимых границ, ведь первичная простейшая функция последнего и заключается в том, чтобы вызвать смех, смешить.

Уже Белинский утверждал, что в художественном произведении нельзя допускать смешения комического и смешного, потому что смешное принадлежит только жизни, комическое же равно присутствует и в действительности, и в искусстве.

Достоевскому принадлежит немало высказываний, в которых утверждается наличие и комического, и смешового начал в жизни. «Жизнь полна комизма», – писал он в письме к К.П. Победоносцеву (24 августа (5 сентября) 1879), и в то же время «без смешного не бывает в жизни» [12. Т. 22. С. 262]. Помимо этого, писатель говорил об универсальности комического: «Нет такого предмета на земле, на который бы нельзя было смотреть с комической точки зрения» [Там же. Т. 18. С. 41]. Также Достоевский размышлял о том, каковы возможности искусства для адекватного воспроизведения реального жизненного комизма. Приведем в пример фрагмент из «Дневника писателя» за октябрь 1876 г., в котором осмысливается эта проблема, явно волновавшая писателя: «Недавно как-то мне случилось говорить с одним из наших писателей (большим художником) о комизме жизни, о трудности определить явление, назвать его настоящим словом. <...> А знаете ли вы, – вдруг сказал он мне, – мой любезный собеседник, видимо давно уже и глубоко пораженный своей идеей, – знаете ли, что что бы вы ни написали, что бы ни вывели, что бы ни отметили в художественном произведении – никогда вы не сравнитесь с действительностью. Что бы вы ни изображали – все выйдет слабее, чем в действительности. Вы вот думаете, что достигли в произведении самого комического в известном явлении жизни, поймали самую уродливую его сторону, – ничуть! Действительность тотчас же представит вам в этом же роде такой фазис, какой вы еще не предполагали и превышающий все, что могло создать ваше собственное наблюдение и воображение!.. <...> Но, разумеется, никогда нам не исчерпать всего явления, не добраться до конца и начала его. Нам знакомо одно лишь насущное видимо – текущее, да и то понаглядке, а концы и начала – это все еще пока для человека фантастическое» [12. Т. 22. С. 464]. Комизм жизни гораздо шире, глубже, чем то, что представлено в художественных текстах, поэтому одна из задач пи-

сателя состоит в том, чтобы подобрать адекватные способы изложения комического и смешного. С другой стороны, если комизм является неотъемлемой частью жизни, то необходимо, передавая какие-либо события реальной жизни, изображать их разносторонне, учитывая и их комическую составляющую, которая примиряет любое явление с жизнью, способствует целостному воссозданию картины мира.

Достоевский после долгих лет ссылки предпринимает попытку возвращения в литературу именно как создатель «комической повести» «Дядюшкин сон» и «комического романа» «Село Степанчиково и его обитатели», да и в «Записках из Мертвого дома» – одним из самых трагических произведений писателя – можно найти следы тонкого комизма. Для самого Достоевского создание комических произведений – это способ врачевания собственной душевной тоски и боли [16].

Одной из важнейших особенностей комического, по Достоевскому, является его национальное своеобразие, невоспроизводимость в других культурах. Писатель считал, что при переводе русских художественных произведений на другие языки исчезает весь комизм. Так, о тургеневском переводе Гоголя на французский

язык Достоевский пишет следующее: «Весь юмор, все комическое, все отдельные детали и главные моменты развязок, от которых и теперь, вспоминая их иногда нечаянно, наедине (и часто в самые нелитературные моменты жизни), заляешься вдруг самым неудержимым смехом про себя, – все это пропало, как не бывало и вовсе» [12. Т. 22. С. 90]. Из контекста всего высказывания становится ясно, что Достоевский размышляет здесь не столько о данном переводе Тургенева, сколько об общих особенностях перевода русских комических текстов на другие языки, в которых утрачивается, по его мысли, самобытный русский комизм.

Подводя итог, вновь подчеркнем необходимость разведения для Достоевского комического и смеха. Они решают разные задачи, располагаются в разных областях эстетики и поэтики. Смех является средством коммуникации, характерологии, аксиологии, психологии. Комическое часто организует сюжет, проникает в саму ткань повествования, определяя его многомерность, снимая однозначность выводов. В совокупности все категории комизма Достоевского рожают незавершенный, противоречивый, динамичный, полифоничный мир его романов [14, 15].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 9.
2. *Лапшин И.И.* Комическое в произведениях Достоевского // О Достоевском: Сб. статей / Под ред. А.Л. Бема. Прага, 1933. Сб. II. С. 34–35.
3. *Заславский Д.О.* Заметки о юморе и сатире в произведениях Достоевского // Творчество Достоевского. М.: Изд-во АН СССР, 1985. С. 445–472.
4. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Худ. лит., 1986. 486 с.
5. *Чирков Н.М.* О стиле Достоевского. Проблематика, идеи, образы. М.: Наука, 1967. С. 30–100.
6. *Назирова Р.Г.* Юмор Достоевского // Творческие принципы Достоевского. Саратов, 1982. С. 115–127.
7. *Кунильский А.Е.* «Лик земной и вечная истина» О восприятии мира и изображении героя в произведениях Ф.М. Достоевского. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 302 с.
8. *Зис А.А.* Искусство и эстетика. М.: Искусство, 1974. 447 с.
9. *Борев Ю.Б.* Комическое. М.: Искусство, 1970. 270 с.
10. *Статистический словарь языка Достоевского* / А.Я. Шайкевич, В.М. Андрищенко, Н.А. Ребецкая; Рос. акад. Наук; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: Языки славян. культуры, 2003. 832 с.
11. *Суворина А.И.* Из воспоминаний о Достоевском // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худ. лит., 1990. Т. 2. С. 435–432.
12. *Родина Т.М.* Достоевский: Повествование и драма. М.: Наука, 1984. 245 с.
13. *Кашина Н.В.* Эстетика Достоевского Ф.М. М.: Высшая школа, 1989. 286 с.
14. *Солотчин С.Г.* Комическое начало в художественном стиле Достоевского. Ранние произведения: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 187 с.
15. *Мартакова Т.С.* «Смеховой портрет» как средство характеристики персонажа в творчестве Достоевского 1846–1859 гг.: Дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2008. 212 с.
16. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972.
17. *Жан Поль.* Пригласительная школа эстетики. М.: Искусство, 1981.
18. *Розанов В.В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского: Опыт критического комментария. СПб., 1894. С. 58.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 мая 2011 г.